

**ОТЗЫВ
ЧЛЕНА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА**

**доктора исторических наук, доцента ФРАНЦУЗОВА Сергея Алексеевича
на диссертацию Моисеевой Анны Владимировны, представленную
по теме «Образы коранических пророков в персидской литературе
X–XVII вв.: идейно-смысловые и художественные функции» на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по
научной специальности 5.9.2. «Литературы народов мира»**

Вынесенная на защиту кандидатская диссертация выпускницы аспирантуры Института восточных рукописей РАН Анны Владимировны Моисеевой представляет собой яркое самостоятельное исследование по персидскому литературоведению. Структура работы хорошо продумана: помимо Введения и Заключения, она разделена на четыре главы. В главе 1 «Культурный контекст и роль коранических образов» рассмотрены используемые в диссертации понятийный аппарат и терминология. В частности, термин «художественная картина мира», введенный в научный контекст в 1983 г. Б.С. Мейлахом, применен к классической поэзии Ирана (с. 20–24), поднят и применительно к персидскому материалу решен вопрос о соотношении понятий «мотив» и «образ» (с. 36–41).

В главе 2 «Образ пророка как объект сравнения (на примере пророка Сулаймана)» акцент сделан на царственном мудреце, центральном персонаже многих легенд и, пожалуй, самым прославленном Посланнике Божьем после Мухаммада.

В главе 3 «Образы пророков и способы их взаимодействия в персидской классической поэзии» к спискам пророков, нередко приводимых персидскими поэтами, автор диссертации удачно применяет разработанную А.Р. Гайнутдиновой концепцию пророческих рядов, представляющих собой «упорядоченные и организованные упоминания о

пророках или их истории, построенные по одному композиционному плану, обладающие общими формульными элементами, а также – часто, но не обязательно – имеющими общий зачин и/или концовку» (с. 58). При этом в необходимых случаях А.В. Моисеева мягко критикует А.Р. Гайнутдинову, в основном за то, что та «как один из обязательных атрибутов пророческих рядов в Коране отметила наличие в них формульных элементов» (с. 60). Между тем, по теории Парри – Лорда, формульный характер характерен для устной авторской литературы, к которой персидская поэзия никак не относилась. Вот почему, как справедливо утверждает диссертант, «разумно говорить не о формульных элементах, а об элементах канона, поскольку каноничность персидской поэзии является общепризнанным среди исследователей фактом» (с. 60). Заслуживает внимания наблюдение автора работы о том, что в одних случаях тем, кто включен в пророческие ряды, оказываются присущи лишь достоинства, в других же перечисляются недостатки пророков, за исключением Мухаммада, разумеется (см., например, с. 80, 82). Интересен и хорошо обоснован вывод диссертанта о том, что в новоперсидской традиции «в пророческие ряды в поэзии не включались чисто аравийские пророки – они не получили распространения на персидской почве и не вошли так прочно в систему персидской поэтической образности, как, например, Йусуф или Муса» (с. 83). Отдельный раздел главы 3 отведен «парным» образам пророков, таких как Муса и 'Иса, Йунус и Йусуф, Йа'куб и Аййуб, причем отмечена, в частности, нетривиальная ассоциативность «образов Йунуса в рыбе и Йусуфа в колоде с движением светил» (с. 100).

Символом того, что диссертация была подготовлена в стенах ИВР РАН, служит глава 4 «*Анйис ал-мурйидйн ва шамс ал-маджāлис* –

малоизвестная версия рассказа о Йусуфе и Зулайхе», в которой приведены детальный анализ содержания этого сочинения, по сути представляющего собой *тафсир* к суре XII, его структурное деление, бытование текста сочинения в 24 известных списках, кодикологическое исследование его петербургского списка (ИВР РАН, С 1480). Два изданных отрывка из *Анйс ал-мурйдйн*, «Испытание Ибрахима» и «Чаша во выюке Ибн Йамина», даны в виде Приложений (с. 181–188).

Высокий уровень диссертационной работы не умаляют немногочисленные недостатки и неточности. Пожалуй, наиболее серьезная ошибка вкралась в перевод байта 59 *Икбал-нама* («Книги счастья») – второй части «Книги об Искандаре»: «он – шах, чей престол [подобен] Лотосу» (с. 78). Увы, этот «Лотос крайнего предела», упоминаемый якобы в Коране (III, 14–16), попал в труды маститых востоковедов, хотя он растет не в Аравии, не на Ближнем и Среднем Востоке, а на территории Индостана, Юго-Восточной и Восточной Азии и имеет прямое отношение не к исламской, а к индо-буддийской цивилизации. На самом же деле, как показал О.Г. Большаков (История Халифата. I: Ислам в Аравии. 579–633. М., 1989, с. 70, 238, примеч. 94), это – *сидра*, т.е. ююба, лотус – вид акации. Сочные, но невкусные плоды данного растения шли на корм скоту, а плотная древесина использовалась в строительстве.

Что касается выражения «разрушенная деревня» (*дих-и вйрйн*), то оно обозначает не «земной мир» (с. 75, примеч. 56), а относится к кораническому образу селения, разрушенного до основания, из *айата* II, 259, вдохновившего А.С. Пушкина на одно из его подражаний Корану: «И путник усталый на Бога роптал» (ср. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991, с. 132–133).

Среди пророков авраамического монотеизма (с. 59) следовали бы непременно упомянуть Йусуфа тем более, что он следует сразу после своего отца в *Мантык ат-тайр* у 'Аттāра (с. 63, байты 26. 27).

Постоянный эпитет пророка Йунуса – *Зу-н-Нун* – следует переводить не «Обладающий рыбой» (с. 94; в конце концов это рыба-кит им обладала, проглотив его), а «Относящийся к рыбе».

По поводу коранического выражения (из суры II) *субгат Аллāх* (с. 91) следует заметить, что дело здесь не в том, что «с принявшего истинную веру смываются все цвета этого мира и остается один божественный цвет» (с. 91), а в прямом и переносном значении греческого глагола βαπτω «окунать (в воду); погружать (в веру)», которые в равной степени были в ходу у ранних христиан. Кстати, красили тогда не кистями, а полным погружением предмета в сосуд с краской. Отсюда смешение понятий «крестить» и «красить», в том числе в арабском. Так что оборот «'Иса стал красильщиком» (с. 92) следует понимать и как «'Иса стал крестителем».

Неправильно считать систему стихосложения у арабов заведомо квантитативной (с. 26, 30) вслед за Д.В. Фроловым, а не ударно-квантитативной, как полагали Готтхольд Вайл, А.А. Долинина и их ученые единомышленники.

Невозможно согласиться с утверждением А.В. Моисеевой, согласно которому «в отличие от арабской персидская литературная теория в меньшей степени связана с экзегетической традицией и носит более светский характер» (с. 31). Во-первых, доисламская арабская поэзия, за исключением творений немногих поэтов-христиан, не была отмечена религиозным влиянием. Во-вторых, классическая арабская поэзия домонгольского времени исполнялась под музыку, которую ислам решительно осуждал. Лишь в позднее средневековье, да и то отчасти,

можно говорить об арабской религиозной поэзии (прежде всего, о суфийской).

Что касается термина *садж* для обозначения рифмованной и ритмизованной прозы, то его лучше называть не «древнеаравийским» (с. 34), а староарабским, поскольку на языках древней Аравии (исключительно эпиграфических) образцов *садж*'а с уверенностью не выявлено.

Наверное, «этап, называемый *бāзгаит-и адабī*» лучше переводить не как «литературное возвращение» (с. 12), а как «литературное возрождение (или все-таки «Возрождение»?).

Работа не свободна от стилистических огрехов, впрочем, немногочисленных. В качестве примера приведем предложение: «Практической силы этот запрет фактически не имел» (с. 22).

Нарушений пунктов 9, 11 «Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук» соискателем ученой степени мною не установлено.

В заключении автор настоящего отзыва констатирует, что несмотря на сделанные выше замечания и выявленные ошибки и неточности диссертация МОИСЕЕВОЙ Анны Владимировны по теме «Образы коранических пророков в персидской литературе X–XVII вв.: идейно-смысловые и художественные функции» полностью соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным Приказом № 11181/1 от 19.11.2021 г. «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» с изменениями и дополнениями и рекомендована к защите в СПбГУ и что соискательница,

МОИСЕЕВА Анна Владимировна, несомненно заслуживает присуждения
искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности
5.9.2. «Литературы народов мира».

ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич,
член диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник – заведующий
отделом Ближнего и Среднего Востока
ФГБУН Института восточных рукописей РАН
почтовый адрес: 191186 Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, ИВР РАН;
мобильный телефон: +7-921-649-52-03;
электронный адрес: serge.frantsouzoff@yahoo.fr

« 24 » февраля 2025 г.

ПОДПИСЬ
УДОСТОВЕРЯЮ:

S. A. Frantsov

ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА
ГАВРИЛОВА Т. А.

T. A. Gavrilova

24.02.25

